К «последнему морю»

Автор:
Василий Ян

К «последнему морю»

Василий Ян

Нашествие монголов #3

Роман «К „последнему морю“» В. Г. Яна (Янчевецкого) – третье заключительное произведение трилогии «Нашествие монголов», рассказывающее о том, как «теоретические доктрины» Батыя о новых завоеваниях на европейском континенте – выход к берегам «последнего моря», превращаются в реальную подготовку к походам татаро-монгольских полчищ сначала в среднее Поднепровье, потом на земли Польши, Моравии, Венгрии, Адриатики.

Василий Ян

К «последнему морю»

России определено было высокое предназначение… Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и вздыхающей Россией…

А. С. Пушкин

«Я дойду до последнего моря, и тогда вся Вселенная окажется под моей рукой».

Из летописей о Чингиз-хане

Часть первая

«Это было в Багдаде…»

Глава первая

Резчик печатей Дуда Праведный

На площади перед главной мечетью Багдада, на самом краю широкой каменной лестницы, сидел за маленьким столиком Дуда Праведный и вырезывал надписи на шлифованных сердоликовых печатях. На них он писал имена заказчиков красивой вязью, арабскими буквами, с искусным росчерком. На перстнях с камнями он писал также таинственные заклинания, дающие силу и здоровье владельцу или предохраняющие его от дурного глаза и губительных заклятий злых людей.

«Дуда Праведный» – так звали резчика печатей… Кто из посетителей величественной мечети не замечал согнувшегося мастера с длинной рыжей бородой и черными мохнатыми бровями, под которыми глаза казались сумрачными, затаившими сокровенную мысль?

Однажды к Дуде Праведному подошел человек благообразный, в дорогой шерстяной одежде «абе», уже выцветшей от времени, с приветливой улыбкой на спокойном лице. Он положил на столик полупрозрачный молочно-голубоватый камень, называемый «лунным», и попросил вырезать надпись: «Хасан Осторожный, брадобрей его святейшества халифа».

– Ты меня прости, что я вмешиваюсь не в свои дела, – сказал Дуда, не отрываясь от работы. – Но такая надпись может повлечь за собой нежелательные толки и даже опасные для тебя последствия. Надо написать иначе. Его святейшество халиф, как образец добродетели и совершенства, не должен и не станет брить

бороды. Это вызовет волнение в народе. Машалла, машалла! Не дай Бог!

– А какую надпись ты предложишь? – спросил удивленный и обеспокоенный Хасан.

– Твой предшественник, закончивший счеты с земной жизнью пять лет тому назад, как говорят, имел звание: «Абдулла Бербер, оберегающий бороду его святейшества халифа»… Такая надпись не вызывает никаких сомнений… «оберегающий бороду!» – и Дуда многозначительно поднял указательный палец. – Тогда и сам халиф, – да будет над ним покой и благополучие! – оценит твою осторожность.

– Так и сделай! – сказал Хасан резчику и хотел уже уходить, как вдруг заметил перстень с надписью, которая чем-то привлекла его внимание. – А это что за печать? – спросил он и протянул руку к перстню.

Тут Дуда Праведный, с необычной для него живостью, схватил золотой перстень и спрятал его в кожаную коробочку за пазухой, где хранились и другие драгоценности его заказчиков.

– Я еще не закончил работы над этим перстнем. И я не люблю показывать незавершенные вещи.

В это время к мечети подскакал молодой всадник на горячем, танцующем золотисто-рыжем жеребце. Не сходя с коня, он крикнул:

– Привет тебе, мой почтенный наставник, Дуда Праведный! Готов ли мой перстень?

Дуда, всегда спокойный и величавый, вдруг засуетился, раскрыл кожаную коробочку, достал золотой перстень и быстро спустился по ступенькам лестницы к молодому всаднику. И всадник и его конь были молоды, стройны и красивы.

Всаднику можно было дать около двадцати пяти лет. Одет он был скромно, как простой кочевник пустыни, бедуин, но видно было, что даже в лохмотьях он сохранил гордую осанку смелого вольного человека. Обаяние молодости и лицо, освещенное внутренней силой, делали его прекрасным и привлекательным.

– Кто это? – спросил брадобрей Хасан, когда всадник, взяв перстень, вскачь умчался через площадь и скрылся в облаке пыли.

Дуда отвечал раздраженным голосом:

– Не все ли тебе равно? Ты бреешь бороды, а он укрощает коней. Это самый лихой наездник на конских играх арабов, и не было еще жеребца, который не смирился под его уверенной рукой.

– Но зачем ему такой золотой перстень?

Дуда Праведный так рассвирепел, что стал шипеть и кричать, размахивая руками. Поднимавшиеся по ступенькам богомольцы остановились в удивлении.

– Почему ты привязался к этому перстню? Какая у тебя до него забота? Если бы ты был джасусом – шпионом – правителя этого города, я бы стал тебе отвечать, а сейчас ты отвяжись-ка лучше от меня!..

Хасан-брадобрей попятился и быстро удалился. Он помчался прямо во дворец, чтобы рассказать векилю – смотрителю дворца – о виденном.

– Ведь это, кажется, перстень Ал-Мансура[1 - Ал-Мансур – в средневековых европейских сказаниях это имя начальника гвардии рабов в Кордовском халифате переиначено в Альмансор.], – повторял он ему взволнованно.

– Ты доложи об этом. Здесь скрыта какая-то тайна.

Глава вторая

Ровно в полночь

В Багдаде ночь наступает быстро, почти мгновенно. Множество огоньков засветилось в лавках торговцев, когда Дуда, широко шагая, спешил по узким улицам вслед за вереницей других прохожих.

В глухом переулке он постучал в небольшую дверь. Ее открыл на условленный стук одноглазый мрачный сторож, и Дуда прошел в узкий двор, заставленный двухколесными арбами. Осторожно пробрался он среди теснившихся верблюдов и попал наконец в свою каморку, в подвале двухъярусного строения, где хранились товары купца Махмуда-урганджи[2 - Урганджи – то есть родом из Ургенча.].

Хозяин, богатый торговец хорезмскими шелками и вышивками, богомольный и странноприимный, несколько лет назад позволил жить в его доме резчику печатей, оставшись доволен вырезанным на золотом перстне заклинанием великого Сулеймана[3 - Сулейман – библейский царь Соломон, позднее герой многих мусульманских легенд.], принесшим ему удачу в торговле.

В полной темноте Дуда по привычке нашел низкий столик, положил возле него в нише принесенную с собою кожаную сумку с инструментами и снова вышел во двор. Он сел на деревянном обрубке около входа и долго покорно ждал, поднимая глаза к звездам, ярким и лучистым, сверкающим на потемневшем небе.

Сопевшие верблюды – одни лежали, другие стояли, и, казалось, оранжевые огни костра, разведенного посреди двора погонщиками, пылают между их ногами.

Наконец мелькнула заветная тень и приблизилась к Дуде. На него повеяло ароматом розового масла. Нежный голос прошептал:

– Наш почтенный хозяин посылает тебе привет и просит помолиться за него.

Принимая горячую лепешку и глиняную миску дымящейся похлебки, Дуда почувствовал маленькие руки с серебряными кольцами, и край покрывала коснулся его лица. Он покорно ждал, пока говорившая тень скрылась, обещав принести горячих углей, и жадно глядел ей вслед. Она вскоре вернулась, раздувая угли, и тогда алый отблеск осветил нежные черты девичьего лица, ее насурьмленные брови и расшитую повязку на лбу. Певучий голос как будто насмешливо спросил:

– Почему у тебя так дрожат руки, когда ты от меня принимаешь похлебку? Я каждый раз боюсь, что ты ее прольешь.

И с легким смехом девушка скрылась во мраке.

Дуда, вернувшись в свою каморку, раздул угли и поджег хворост в очаге. При колеблющемся свете он стал писать на полях толстой священной книги Корана. Раза два он доставал маленький узкий ножик и оттачивал камышинку для письма. Все время он бормотал странные слова и размахивал руками, точно спорил с кем-то:

– Полночь… Сегодня в полночь! Это выше моих сил! Больше сердце не выдержит. Пора кончить с этой скитальческой жизнью… Но все же у меня остаются надежды… Перехитрить меня не удастся никому. На шахматной доске жизни выручит только «ход коня»! Глупо идти прямой дорогой, если ее перегородила брошенная шайтаном скала. Завтра утром должна засверкать вспышка моего гения. Люди забегают и закрутятся в безумном хороводе под напев моей дудочки, такой скромной и слабой. Только бы хватило сил, только бы скорпион несчастья не ужалил меня прямо в сердце в то мгновенье, когда удача уже может подхватить меня и вскинуть на гребень волны.

Дуда задвинул засов входной двери. Он отвернул войлок посредине комнаты. Под ним показалась небольшая дверца люка.

Стараясь не шуметь, Дуда опустился в черное отверстие. Ощупью, в полной темноте, прошел он несколько шагов и наткнулся на вторую лестницу, ведущую кверху. Осторожно он поднялся по ней и оказался в каморке с узким длинным столом посередине. Через маленькое окно лился слабый звездный свет.

Дуда стал на колени и опустил голову на руки. Тихо, про себя, читал он молитвы, сперва по-арабски, потом на каком-то другом языке.

Он поднимал голову, смотрел на овальное окно, потом снова принимался за молитвы. Глухие рыдания потрясали его, и он с трудом удерживал их, стараясь сохранять тишину.

Наконец в окне показался яркий, точно раскаленный добела, край равнодушной луны, свершающей по небу свой обычный путь.

Стоя на коленях, Дуда выпрямился и вцепился руками в край стола… Бледный печальный луч осветил стоящие на столе узкие носилки, сплетенные из прутьев.

На носилках лежало женское тело в темной шелковой одежде. Оно так исхудало и высохло, что едва намечалось среди складок платья. Две маленькие ручки скрестились на груди, и на них блеснули серебряные кольца.

Дуда откинулся назад и с трепетом ожидал…

Когда диск луны заполнил окно, на его ярком серебристом фоне четко вырисовывался нежный профиль. Дуда с безумной страстностью шептал:

– Я здесь, твой верный слуга… Я здесь, возле тебя, как всегда!.. Нежная, безгрешная Мариам! Слышишь ли ты меня? Протяни свою маленькую ручку и коснись моего лба! Укрепи мои силы!

Он жадно всматривался в профиль, все еще надеясь, что поднимутся ресницы и лицо вздрогнет снова, пробудившись к жизни.

– Судьба! Всюду рок! Ужасная судьба, с которой не может справиться даже моя неукротимая воля. Судьба ломает все, что я наметил, все, что я подготовил, разрушая все заклинания, но я все же не сдаюсь!..

Луна, медленно подвигаясь, уходила. Вот она исчезла, и нежный профиль потонул во мраке.

Дуда упал на колени, кусая пальцы, стараясь подавить глухие рыдания.

– Светлая, безгрешная Мариам умерла. Я вижу ее в последний раз. В последний раз. Завтра ее отнесут в обитель вечного покоя!..

Вдруг его привели в себя крики, раздавшиеся во дворе:

– Дуда, резчик печатей! Открой дверь, или мы ее выломаем!

Дуда колебался несколько мгновений; затем, быстро поднявшись, вернулся в свою комнату и закрыл люк старым войлоком.

В дверь настойчиво продолжали стучать. Он отодвинул засов.

Черный раб с пылающим факелом шагнул внутрь каморки, наполнив ее дымом. За ним на пороге стоял человек в полосатом плаще, которого Дуда знал как самого свирепого из палачей халифа.

– Ты – Дуда, резчик печатей, прозванный Праведным?

– Ты сказал истину, почтенный Мансур, меч правосудия и могучая защита трона его святейшества!

– Сейчас ты пойдешь со мной, и мы проверим, насколько ты праведный. Рабы, возьмите этого человека за руки и держите, чтоб он в темноте не убежал. Он колдун, может обратиться в летучую мышь и улететь.

– Я и так покорно повинуюсь, мой господин! – Дуда послушно подставил свои руки, и два черных раба быстро скрутили их жесткими веревками.

Глава третья

Во дворце великого халифа

Когда два эфиопа, державших за руки Дуду, поднялись с ним из подвала во двор, Дуда вдруг так пронзительно закричал, что спавшие на крыше люди стали просыпаться и отовсюду доносилась брань:

– За что вы мучаете праведного старика? Оставьте его! Злодеи!

Мансур торопил эфиопов:

– Скорей, скорей вперед!

Дуда упирался:

– Зачем эти бесхвостые обезьяны выворачивают мне руки? Ведь руки меня кормят! Я пойду и так…

Он с непонятной силой повернулся к одному из эфиопов:

– Смотри мне в глаза, копченый свиной окорок! Сейчас ты сам захочешь улечься на земле, здесь, прямо на верблюжьем помете! Ложись! Засыпай скорее, как сурок!

Огромный эфиоп в пестром балахоне с медным кольцом в носу вдруг зашатался, осел и лег на бок.

Дуда повернулся ко второму эфиопу и, впиваясь в него горящими глазами, продолжал:

– И ты тоже, перезрелая тыква, уже захотел спать! Ложись рядом с твоим приятелем-лентяем и начинай храпеть, как этот черный буйвол!

Второй эфиоп, шатаясь, подошел к лежащему, свалился возле него, и оба громко захрапели.

Мансур, разъяренный, бросился к спавшим чернокожим, толкал их ногами и неистово ругался. Потом он вытер концом матерчатого пояса пот со лба и повернулся к Дуде, спокойно стоящему с протянутыми к небу руками.

– Жемчужная луна! – говорил Дуда. – Ты равно светишь великим и малым, умным и глупцам. Проясни головы непонимающим, чтобы они не тащили Дуду Праведного, как тушу зарезанного барана!

Он поклонился Мансуру и сказал:

– Ты ведешь меня к счастливейшему обладателю правильного мнения. Зачем же ломать нужные его святейшеству руки, такие тонкие, искусные? Я пойду сам. А чтобы эти два грубых верблюда не провалялись здесь сутки, я им прикажу, что надо делать. Эй вы, шакалья падаль! Бегите скорее домой и спите там до завтрашнего утра!

Оба эфиопа вскочили и, подтягивая руками просторные шаровары, со всех ног бросились в ворота.

– Иди вперед, подаватель благого совета, достойный Мансур! – сказал Дуда посланнику халифа. – Я следую за тобой.

Черный слуга с факелом пошел впереди, за ним Мансур, постоянно оглядываясь и грозно стуча посохом. Последним шагал Дуда Праведный, легко выбрасывая длинные сухие ноги.

Они прошли узкими извилистыми улицами спящего Багдада, днем всегда оживленного, полного шумной толпой. Теперь только стаи собак грызлись на перекрестках из-за брошенных костей и ночные сторожа, вертя трещотками, загораживали путь, издали крича:

– Кто идет? Говори или зарублю!

Услышав, что идет великий палач халифа, кровавый Мансур, сторожа отходили в сторону и склонялись до земли, бормоча приветствия.

Дорога привела к берегу великой реки Диджлэ[4 - Диджлэ – так тогда назывался Тигр.]. Они вошли в поджидавшую их халифскую лодку, переправились на другой берег, где их встретили векиль и несколько вооруженных воинов.

– Царь времени гневается, – сказал векиль, – и не спит. Он приказал немедленно представить перед его блистающим взором опасного злодея.

– Великий Ал-Мансур! – воскликнул Дуда, подняв руку и обращаясь к луне. – Ты все слышал и за все отомстишь в свое время!

Мансур подошел к векилю, отвел его в сторону и, волнуясь, шепотом объяснил ему, что этот высокий рыжебородый старик, вероятно, могущественный волшебник; его не надо раздражать, а бережно доставить во дворец, чтобы он не обратил всех в летучих мышей. Эфиопов он усыпил, и они мгновенно свалились, как пьяные, а потом, по его приказанию, вскочили и убежали, словно облитые кипятком.

– Понял, понял!.. Пожалуйста, почтенный Дуда Праведный, следуй за мной. Его святейшество – да будет над ним мир! – тебя ждет. Надо торопиться.

Дворец и сад халифа занимали огромное пространство, чуть ли не половину города. Из-за высокой стены видны были раскидистые пышные финиковые пальмы, стройные кедры и между ними плоские крыши бесчисленных зданий, в которых, под неусыпным присмотром тысячи евнухов, хранились «жемчужины» халифа Мустансира – его семьсот жен. Дальше высились тонкие стрельчатые минареты дворца. Местами на стене виднелись неподвижные часовые с копьями.

У ворот с двумя башенками по сторонам стояла стража и, волнуясь, ожидала возвращения начальника палачей, всегда бешеного и раздражительного.

Стража расступилась, и Дуда Праведный зашагал через роскошный сад халифа важно и торжественно, не глядя по сторонам.

Векиль и Мансур быстро прошли вперед, поднялись по ступенькам дворца, где уже ждал великий визирь с двумя слугами, державшими бронзовые резные фонари.

– Кто ты? – спросил великий визирь, положив руку на седую бороду.

– Сын Адама, резчик печатей, прозванный Дуда Праведный.

– Ты сейчас предстанешь перед светлыми очами халифа Мустансира, – да будет над ним милость неба! Запомни, что ты не смеешь ему задавать вопросы, а должен только отвечать.

– Я буду говорить все, что пожелает узнать его святейшество! – пробормотал Дуда.

Все поднялись по витой лестнице на крышу дворца, устланную мягкими коврами. Над ней бескрайним куполом простиралось сапфировое небо, усыпанное алмазными переливающимися звездами.

В одном углу крыши лежали груды подушек из знаменитого багдадского красного сафьяна. Среди них сидел человек средних лет с крашеной черной бородой, в большом белом тюрбане. Красная шелковая одежда была расшита на плечах золотыми цветами. Расположившиеся полукругом несколько приближенных сидели на пятках, положив руки на колени.

Дуда долго стоял в ожидании и, полуотвернувшись, смотрел вдаль.

Главная торговая часть города, за рекой, уже затянулась легким туманом. Кое-где мигали огоньки. Река Диджлэ слегка рябила золотыми лунными блестками. В ярком свете можно было ясно различить, как далеко уходила река в сторону Персидского залива.

«Наконец я во дворце могучего халифа, – думал Дуда, задыхаясь от волнения, но наружно спокойно-величавый. – Девять лет я ждал этого счастливого мгновения. Не упускай счастья, которое встает перед тобой сегодня в этом сказочном дворце всесильных владык!.. А что будет с тобой дальше? Будет то, чего ты сам сумеешь добиться…»

– Выслушай меня, почтенный человек, – сказал вполголоса приблизившийся векиль. – Ты подойдешь сейчас к его святейшеству, опустишься перед ним на колени и будешь молча ждать.

Дуда скинул сандалии на краю ковра, подошел к халифу, опустился на колени и поцеловал ковер между руками.

– Здравствуй, рыжая борода! – сказал халиф. – Я слышал, что ты знаешь тайное!

– Ты, как всегда, сказал истину, непогрешимый, – да возвеличится еще более твое могущество и слава! Но я должен все важное, что знаю, рассказать только тебе, без посторонних слушателей. Этого требует завещание Ал-Мансура.

– Мои преданные друзья, – обратился халиф к сидевшим. – Вы можете пойти отдыхать в залах дворца, а я останусь только с моим великим визирем.

Все поднялись и, прижав руки к груди, тихо вышли мелкими почтительными шажками.

Дуда молча смотрел на халифа и думал:

«Вот передо мной самый могущественный среди мусульман, преемник пророка. Этот араб, такой с виду обыкновенный, сохраняет в себе высшую духовную силу ислама. К нему обращены мысли и моления всех почитателей веры Мухаммеда восьми концов света. Он может меня возвеличить и поднять на вершину удачи и счастья или низвергнуть в бездну горя».

Халиф вынул из резной серебряной коробочки золотое кольцо и спросил:

– Ты резал это кольцо?

– Я должен его посмотреть.

– Возьми!

Дуда на коленях приблизился к халифу, взял кольцо и почувствовал, как дотронулся до выхоленной руки халифа. Ему показалось, что духовная сила ислама через это прикосновение проникла в него и обожгла его.

Осмотрев кольцо, Дуда сказал:

– Пять лет назад я резал это кольцо.

– Знаешь ли ты, что за надпись на нем тебе следует отрубить безумную твою голову?

– Ты можешь это сделать, хранитель закона, но тогда тайное я унесу с собой, а ты ничего не узнаешь, и оно повиснет над тобою, как отчаянный меч судьбы.

Халиф вздрогнул…

– Говори все, что знаешь, а я обещаю тебя охранять, и ни один волосок не упадет с твоей головы…

Глава четвертая

«Ход коня»

Дуда отодвинулся, сел на пятки в позе молящегося и резко повернулся назад. На площадке за ним уже никого из охраны не было. Он заговорил сперва спокойно, но затем все более горячо:

– Ты хорошо знаешь, великий, что со времени кончины мудрого халифа Харун ар-Рашида могущество и слава великого арабского племени стали колебаться и поражение следовало за поражением.

– Как же этого не знать! Как нам не горевать об этом!

– Великая держава, созданная светлым непобедимым мечом арабов и раздвинувшая свои границы от плодоносных земель Мавритании до диких пустынных гор китайского Кашгара, стала потрясаться от внутренних беспорядков и вторжений враждебных орд диких монголов.

– И это мне известно!

– Должны ли мы, правоверные, примириться с этим и ждать печального конца, к которому нас приведет ослабление могущества арабов, или нам нужно собрать все силы, чтобы снова всюду победоносно реяло великое зеленое знамя пророка?..

– Эта мысль давно тревожит мне сердце.

– Тебя беспокоит кольцо, найденное на руке убитого воина, последнего потомка великого полководца Абд ар-Рахмана. А может быть, у него остался сын? Сын достойный и прекрасный, полный ясного ума?.. Арабы всегда страдали оттого, что их шейхи враждовали друг с другом.

– Да, это наше давнишнее постоянное горе! – вздохнул халиф.

– Великие люди для создания великих дел должны окружать себя достойными же помощниками. Если же существует последний потомок Абд ар-Рахмана, великого полководца, разгромившего франков и грозившего завоевать все «вечерние страны»… если жив такой юноша, изучивший круг высших знаний в медресе, тобою основанном, блистающий красотой и мужеством, как месяц на небе, укрощающий диких коней, владеющий светлым мечом, как молнией, – хотел бы ты, могучий халиф, чтобы такой юноша был тебе близок, как сын, предан, чист и верен, как слово Аллаха?.. Чтобы он повел твои войска к новым победам, чтобы опять ярко засверкала, как в былые времена, слава арабской доблести?..

Халиф взглянул удивленно на великого визиря. Тот тихо и почтительно ответил:

– Такого светлого воина, разумеется, лучше иметь преданным другом и защитником, чем тайным коварным врагом. Всякий, кто сумеет помочь славе арабского имени, должен найти поддержку и благословение святейшего багдадского халифа.

– Но где же этот воин, покажи мне его, если он живой человек, а не выдуманный, созданный праздной сказкой болтуна на базаре.

– Я могу тебе его показать. Но я боюсь, не пришлось бы мне потом расплачиваться, лить слезы сожаления и рвать на себе волосы от скорби, что я погубил его.

Халиф сказал:

– Я обещаю тебе, что если он такой, каким ты его описываешь, что если он не сделал и не сделает никаких преступлений, то он будет под моей постоянной защитой. Что ты думаешь об этом, мой верный мудрый великий визирь?

– Я хочу дать совет, да не покажется он тебе дерзким и безумным…

– Говори! – приказал халиф.

– Ты ведь слышал, конечно, о новом страшном великом завоевателе Темучине Чингиз-хане, пришедшем с востока, с ордами диких монголов или татар, и

оставившем в Хорезме своего внука?..

– Конечно! Ты говоришь о грозном Бату-хане? Почему ты о нем спрашиваешь?

– Я предлагаю тебе этого смелого юношу, – если он действительно такой, как его описал Дуда Праведный, – послать к грозному хану татарскому как твоего посла с приветственным письмом и с подарками. Прикажи этому юноше сопровождать Бату-хана и дальше во всех его походах и убеждать его отвернуться от захвата земель халифа, а идти на «вечерние страны» для их разгрома и завоевания… Мы пока еще не знаем, какие мысли у могучего Бату-хана. Может быть, татары захотят двинуться и на нашу счастливую страну?.. Тогда твой посол, следя за всеми приготовлениями татар, заблаговременно тебя предупредит, чтобы наши доблестные войска были наготове.

Помолчав, халиф сказал:

– Ты, как всегда, даешь полезные советы, мой верный слуга. Разумеется, сперва надо испытать молодого потомка Ал-Мансура. Поэтому, Дуда Праведный, приведи его сюда, прямо ко мне, а я решу, послать ли мне юношу к хану татарскому или же я ему дам другое поручение.

– Я с радостью исполню твое приказание, – сказал Дуда, – и приведу к тебе в самом скором времени молодого Абд ар-Рахмана.

– А теперь, Дуда Праведный, расскажи мне, как ты нашел этого юношу, и все, что ты о нем знаешь.

Глава пятая

Тайна вольного охотника

Дуда Праведный соединил концы пальцев и начал свой рассказ:

– Ты, конечно, слыхал и помнишь о великой битве народов пятьсот лет назад, когда славные непобедимые арабские войска, покорив Испанию и перейдя через

Пиренейские горы, разлились, как бушующее море, по цветущей равнине франков?.. Ты, конечно, помнишь, всезнающий и прозорливый, что эта битва была сперва победоносна для наших львов, но франки тоже сражались, как разъяренные бешеные волки, и знамя победы все время клонилось то в одну, то в другую сторону… Предводительствовал войсками франков закованный в железные доспехи смелый полководец по имени Карл Мартел, что означает «молот»… Казалось, милостивый глаз Всевышнего засветился радостью, что его правоверные всюду побеждают… Но случилось непоправимое: в разгаре битвы пал вместе с конем наш славный вождь Абд ар-Рахман, и рядом с ним пал его верный знаменосец. Зеленое знамя пророка, реявшее над бесстрашными шахидами, в пылу битвы было затоптано конницей.

– О, какое несчастье!.. – вздохнул халиф.

– Не видя больше своего знамени, наши всадники заметались, и часть, остановив свой натиск, стала выжидать нового дня. А франки, понесшие большие потери, были утомлены жестоким сражением и ночью ушли к востоку, думая, что они проиграли битву… Напрасно наши верные витязи разъезжали по равнине и тщетно разыскивали тело Абд ар-Рахмана; они так и не нашли ни его, ни его оружия, ни его коня… Вероятно, Азраил, ангел смерти, живыми унес их к престолу Аллаха… Если бы тогда нашелся смелый вождь и, собрав наши войска, снова повел их вперед на отступавших франков, то мы бы легко одержали полную победу и овладели всей франкской землей. Но вожди, собравшись на ночной совет, долго рассуждали и решили так:

«Мы всегда успеем собрать наши войска, привести в порядок расстроенные ряды и снова вернуться в землю франков, чтобы окончательно разгромить и покорить нечестивых». И – увы! – наши войска двинулись обратно.

– Это было неразумное, недостойное нашего народа решение!

– Прошли годы, целых пять столетий, – продолжал Дуда, – арабские шейхи враждовали между собой, и среди них не было нового Абд ар-Рахмана, чтобы всех объединить под своей могучей рукой, под великим зеленым знаменем и снова сокрушительными волнами бушующего моря обрушиться на цветущие равнины неверных…

– Неужели не сохранилось никаких известий о славном Абд ар-Рахмане? – спросил халиф задумчиво.

Дуда развел руками:

– Я много расспрашивал всех, кого мог: старых имамов, мудрейших ученых в медресе, бродячих певцов и знающих древние сказания дервишей… Все говорили разное, но никто ничего точно не сказал. Ведь когда сидишь на ступеньках мечети, воздвигнутой благодаря твоим заботам, – да будет твое имя во веки прославлено! – то мимо проходит много разных людей со всех восьми сторон света, и не раз услышишь дивное…

– Вот теперь ты мне и расскажи дивное.

– Однажды ко мне пришел путник с сумрачным лицом, глаза у него горели затаенной мыслью. Меня поразило, что он заказал мне вырезать на золотом перстне надпись… – Дуда замолк.

– Какую надпись? Говори скорее! – воскликнул халиф глухим, дрожащим от скрытого гнева голосом.

– Он приказал написать: «Абд ар-Рахман-Франкобоец – надежда верующих»…

– И ты сделал такую надпись?

– Что мне заказывают, то я и делаю.

– Какой он был с виду? Встречал ли ты его потом? Здесь ли он, в Багдаде, или уехал в иные страны?

– Я его видел несколько раз. Жизнь моя длинная, – чего только не увидишь! В последний раз я увидел, как этот человек, уже сильно поседевший, входил в мечеть. С ним рядом шел жизнерадостный юноша, держа в руках священные книги. Я запомнил этого юношу. Он стал усердно посещать медресе. Раз как-то я его окликнул. Он подошел и сел рядом. Я угостил его свежими финиками. Мы разговорились и стали друзьями. Он даже заходил ко мне на дом и у меня ночевал. Мне понравился этот веселый, ласковый со всеми юноша, его почтение

к старшим, его живой ум, любовь к старинным песням. Больше всего он увлекался не духовными книгами, а древними сказаниями и повестями о великих завоеваниях арабов.

– Где этот юноша? Я посажу около того места, где ты работаешь, особого опытного человека, который его выследит.

– Позволь дать тебе мой скромный совет. Я знаю, где он живет теперь. Окончив с похвалой и почетом медресе, он поставил свою старую палатку в кочевом племени бен-абаядов. Там он живет вместе с прабабушкой, которая ему готовит пищу и поет старинные песни. Он самый смелый из всех юношей этого кочевья. Он завернул в ковер и спрятал книги, а зарабатывает себе на пропитание укрощением и обучением своенравных лошадей и охотой на диких зверей. Иногда, приезжая в Багдад, заходит он ко мне и привозит то сыр, то финики и виноград. У меня же он ночует и слушает мои рассказы про старину. Если он узнает, что ты желаешь его видеть, то будет счастлив стереть своим лбом пыль перед твоим блистательным троном.

Халиф подумал и сказал:

– Если он действительно ученый, как ты говоришь, и душа его стремится к доблести, то я сделаю его… – тут халиф запнулся и добавил: – То я, может быть, его возвеличу.

Несколько дней спустя Дуда Праведный явился во дворец к халифу с юношей, о котором рассказывал. Халиф принял обоих в зале, где среди цветов взлетали тонкие серебряные струйки нескольких фонтанов, распространяя прохладу.

Юноша был строен и красив. Держался скромно, но с достоинством.

На нем была обычная полосатая одежда кочевников, за поясом старинный кинжал дамасской работы.

Халиф усадил юношу перед собой на ковре, смотрел на него милостивым взглядом, но иногда в его прищуренных глазах Дуда замечал зловещие, недобрые огоньки. Халиф расспрашивал юношу о конях и о прабабушке – какого

она рода, и об охоте на львов.

Абд ар-Рахман обо всем говорил просто и очень искренне:

– Я верю, что будет война и что мне удастся обнажить меч для защиты знамени пророка. Я бы хотел уехать в дальние страны, особенно на заход солнца, в Испанию, чтобы узнать, сохранились ли там смелые потомки наших великих завоевателей.

– Теперь нужно ехать совсем не в Испанию, а на восток и север. Там назревают великие события и готовятся невиданные еще войны, – заметил Дуда.

– Почему ты так думаешь? – спросил халиф и приказал подать душистого ширазского вина. Угощая Дуду и юношу, он внимательно выслушивал их ответы.

Дуда, почтительно поглаживая бороду, сказал:

– Люди, одетые путниками из далекой страны, говорили, что в низовьях великой реки Итиль[5 - Итиль – Волга.] расположилась боевая ставка неведомого могучего племени неверных татар, иначе называемых мунгалами.

– Это очень важно. Мне нужно туда отправить своего посла и верных лазутчиков.

– Если ты пошлешь Абд ар-Рахмана к татарскому хану, а я буду его сопровождать в качестве писца и лекаря, то уверен, что он сумеет вскоре заслужить там благосклонность грозного татарского владыки, а я, кроме того, сделаюсь у хана придворным лекарем. Тогда бы мы присылали твоему святейшему через надежных людей донесения обо всем, что замышляет повелитель диких северных орд, насколько он могуч, как возможно одолеть его.

– Я подумаю над этим, а пока ты пройдешь в мой странноприимный дом для почетных путников. Там будут кормить и беречь Абд ар-Рахмана как дорогого гостя. Ему предоставят все, что он пожелает. И ты будешь вместе с ним. А великий визирь снабдит вас всем необходимым для дороги.

Дуда низко склонился перед халифом:

– Да сохранит тебя Всевышний и даст тебе славу, достойную тебя и твоих великих предков!

Когда Дуда с Абд ар-Рахманом удалились, великий визирь сказал:

– Над этим юношей на небосклоне удачи поднимается его светлая звезда. Очень хорошо, что ты отсылаешь его к хану мунгалов, но еще лучше будет, если могучий Бату-хан увезет и его с собой на край света, а оттуда они оба уже не вернутся, отправившись к своим предкам.

Халиф покачал головой и заметил:

– Один Аллах Всевышний знает, что для нас будет наилучшим.

Часть вторая

В низовьях Итиля

Глава первая

«Любимец ветров»

Двухмачтовый крутобокий корабль «Любимец ветров», с черными просмоленными бортами, слегка покачиваясь, шел к северу по суровому Абескунскому морю[6 - Абескунское море – Каспийское.]. Ветер надувал паруса, сшитые из серых и красных квадратов, напоминающих шахматную доску. Истощенные, полуголодные гребцы с цепями на ногах неподвижно лежали на скамьях возле длинных обсохших весел.

Коренастый рулевой, надвинув синюю чалму на переносицу, налегал на рукоять руля и, щурясь, пристально всматривался далеко вперед, мимо высоко поднятого корабельного носа, вырезанного в виде головы хищной птицы.

На грани поверхности моря и туманной дали с нависшими серыми тучами протянулась тонкая полоса камышей. Там многочисленными руслами вливалась в Абескунское море великая река Итиль.

На деревянной изогнутой шее птицы на носу корабля сидел верхом арапчонок, прислушиваясь к окрикам рулевого:

– Саид, черная лягушка, ты видишь, наконец, устье? Нашел пролив между камышами?

– Я вижу много, много проливов! – кричал Саид.

– Ищи холм на берегу! На нем стоит каменный бог. Почему ты его не видишь, змееныш? Протри глаза.

– Нет каменного бога… Не вижу никакого каменного бога…

– Полезай на мачту, на самую верхушку! Да живей!

У борта на пальмовом ящике с пряным ароматом далекой страны сидел молодой араб в красной полосатой одежде, перетянутой цветным матерчатым поясом. Широкие синие шаровары были всунуты в грубые башмаки из желтой кожи. Ветер трепал его черные кудри и конец белоснежной чалмы, свисавший над левым ухом, как знак учености.

Огромные стаи болотных птиц проносились над густыми камышами.

– Где устье Итиля? – крикнул араб.

– Великий Итиль имеет семьдесят устьев, – отвечал рулевой. – Надо найти главное из них. Пройдя в неверное устье, корабль затеряется между островами в камышах и завязнет на отмелях… Ищи, Саид, каменного бога!

Арапчонок с верхушки мачты завизжал:

– Я вижу груду камней! Там лежит на боку какой-то каменный бог!

– Старые боги умерли! Старые боги попрятались в болотах! – усмехнулся араб. – В одряхлевшей Вселенной царствуют новые боги, прилетевшие вместе с грозным татарским ханом. Это они приносят удачу мунгалам.

– Весла! – зычно крикнул рулевой. – Эй, надсмотрщик, очнись! Скорей налегай на весла! Приглядись к воде, шейх Абд ар-Рахман! – продолжал рулевой, обращаясь к арабу. – Мы уже идем не по соленому морю, а по сладкой воде великого Итиля. Видишь, как плывут косяки серебристых рыб. Над ними вьются чайки… Скорей гребите! Итиль близко!

– По веслам! – очнулся обожженный солнцем угрюмый надсмотрщик в красной истрепанной чалме, дремавший на связке канатов. Он стал ловко щелкать плетью с очень длинным ремнем, стегая по голым спинам устало поднимавшихся гребцов, и застучал по доске деревянным молотком.

– Дармоеды! Отоспались при попутном ветре… Теперь живее принимайтесь за работу. Не дам обеда лентяям!

– Все равно дашь! – отозвалось несколько голосов. – Без нас не доедешь!

Весла пенили мутную зеленоватую воду, равномерно поднимаясь и опускаясь под все ускоряющийся стук молотка надсмотрщика. Гребцы напрягались изо всех сил, то наклоняясь вперед, то откидываясь назад, почти падая на спину.

Клетчатые серо-красные паруса обвисли и слегка полоскались под слабыми порывами ветра.

– Хаджи-Тархан[7 - Хаджи-Тархан – название Астрахани. Здесь раньше находилась богатая столица Хазарского царства, разгромленная князем Святославом Киевским.]… Вон там я вижу Хаджи-Тархан! – кричал с мачты арапчонок.

– Ойе, Ислам-ага, проснись! – крикнул рулевой в сторону каюты корабельщика. – Хаджи-Тархан близко!

Из каморки с узкой дверью послышалось рычанье, ругань и пронзительный женский визг.

– Иди прямо, Максум! Отвернись от Хаджи-Тархана! – донесся оттуда же хриплый голос. – Никого не пускай на палубу! Отгоняй лодочников! Иди вверх по Итилю.

Максум налег всем телом на длинный руль, слегка заворачивая корабль в сторону.

Небольшое селение медленно проплывало мимо, – когда-то богатая хазарская столица. У берега виднелись лачуги, прикрытые побуревшим камышом, поставленные над водой на бревенчатые сваи. Люди выбегали на помосты, выступавшие далеко в реку, кричали, размахивая цветными лоскутками. Многие садились в узкие длинные челны и торопливо гребли, направляясь к кораблю.

Матросы стояли с баграми у бортов, грозя столкнуть в воду всякого, кто вздумает взобраться на палубу.

Благообразный длиннобородый человек, по виду купец, подплыл в большой лодке с несколькими гребцами.

– Ойе, Ислам-ага! Позовите Ислам-агу! – кричал он. – Жив ли, здоров ли Ислам-ага? Я его давнишний друг и странноприимец. Уже много раз я плавал на «Любимце ветров». Скажите хозяину, что я – Абдул-Фатх из Багдада.

Молодой арабский посол подошел к резной двери и сильно постучал:

– Ислам-ага! Пусти на корабль этого человека! Я о нем слышал и должен говорить с ним.

Резная дверца распахнулась. Из нее вывалился широкоплечий толстый владелец корабля Ислам-ага, в темно-синей рубахе до колен, без пояса. Его распухшее измятое лицо с жесткой темной бородой и заплывшие глаза говорили о пьяной ночи. Корабельщик почесал веснушчатой пятерней живот, вдел босые ноги в ярко-желтые туфли с загнутыми кверху носками и подошел к борту.

Молодой араб внимательно следил за раскрытой дверью. Из темноты выступила маленькая женщина с матово-бледным лицом. Дымчато-серая одежда строгого монашеского вида, обшитая красной тесьмой, имела византийский покрой. С

тонкой чуть-чуть приоткрытой шеи спускались жемчужные нити. Спокойные темные глаза, подняв стрельчатые ресницы, на мгновенье остановились, точно с удивлением и вопросом, на молодом арабе. Красивая голова резко повернулась к морю, и маленькие уста прошептали:

– Чужая дикая страна! Камыши и болота! А дальше, бедная Дафни, тебе предстоит опять новая неволя!..

Тонкая белая рука с резным серебряным браслетом прикрыла глаза, и маленькая женщина скрылась в темной каюте.

Глава вторая

Диковинные дела

Небольшой кочевой род старого Нурали Човдура вынырнул из глубокой степи в лучах утреннего солнца. Впереди широко разлилась великая многоводная река Итиль. Бараны, рассыпавшись по береговой тропе, вяло плелись, подгоняемые полуголыми смуглыми ребятишками. Верблюды, привязанные друг к другу за хвосты и ноздри, растянулись длинным караваном. Между их горбами, на вьюках хозяйского добра и разобранных юрт, сидели темноликие изможденные старухи с грудными детьми на руках.

Женщины в малиновых полинялых и выцветших лохмотьях, раскачиваясь, свободной горделивой походкой шли по одну сторону каравана. Мужчины шагали отдельно, говорили приглушенными голосами и в волнении размахивали руками. Некоторые, согнувшись, поднимались на песчаные бугры и быстро сбегали обратно. Все были охвачены ужасом.

Знакомые места… Здесь, из года в год, весною останавливалось на тучных пастбищах родовое кочевье старого Нурали Човдура. Раньше тут постоянно проносились стада желтых сайгаков, иногда пасся табун пугливых, диких лошадей.

Весной же этого страшного года на пустынном месте, на отлогом холме, как яркий степной весенний цветок, внезапно вырос необычайный дом, блистающий золотом, с высокой узкой башенкой, разукрашенной цветными изразцами. Да еще на всех тропах и вдали и на ближних буграх стали проноситься диковинные всадники на низкорослых и взлохмаченных, точно медведи, быстрых конях.

Все потомство Нурали Човдура – и его длиннобородые сыновья, и его крепконогие медногрудые внуки, и малые, непоседливые правнуки, а всех насчитывалось девяносто девять мужских имен, – да хранит их милость Всемогущего и Всезнающего! – все из дружно спаянного рода Човдура в это светлое утро смотрели друг на друга расширенными глазами. Старшие восклицали:

– Что это такое? Шутки джиннов?.. Только в садах Аллаха бывают такие золотые дворцы! Или здесь, в пустыне, выстроил для себя сказочный дворец могучий Ифрит…[8 - Ифрит – могущественный злой демон мусульманской мифологии.] Кто может жить в таком доме?

И все ждали, что скажет и что решит старейший глава рода, мудрый прадед, и нетерпеливо посматривали на него. А Нурали Човдур, в большой белой чалме, в выгоревшем на солнце шерстяном плаще, положив поперек седла посох со стертым от времени серебряным набалдашником, безмолвно ехал на старом сивом с красными крапинками жеребце и все еще, точно себе не доверяя, всматривался слезящимися глазами в сторону невиданного за его долгий век сказочного золотого дворца.

Наконец Човдур натянул поводья. Крики остановили весь караван. Сыновья и внуки подбежали и обступили непогрешимого вождя племени. Ветер играл его белой бородой, а хриплый голос тихо шептал полные горя слова:

– Настали новые тяжелые времена!.. Все, что видим кругом, нам не на радость! Если же такова воля Всевидящего и Всезнающего, то мы должны со всем усердием выйти из солончака тягостных бедствий на верную тропу спасения… Здесь же нас поджидает гибель… На наших древних пастбищах уже пасутся чужие табуны!.. Наши гордые женщины будут опозорены, стада угнаны, любимые дети, вся наша надежда, будут увезены и проданы в чужие страны!.. Скорее гоните скот в дальние степи к Большому камню…[9 - Большой камень – Южный Урал.] Прочь от этого страшного места, от жестоких, безжалостных мунгалов! Гроза разгневанного Аллаха пригнала этих диких воинов издалека, от

восхода солнца, на наши исконные дедовские земли. Скорее прочь отсюда!.. А будет ли там лучше?.. Тучи сгущаются на нашем пути. О, какие времена! – И Нурали Човдур со стоном поднял к небу руку с посохом, бормотал молитвы, колотил пятками кавушей[10 - Кавуши – грубые мужские кожаные туфли.] бока сивого старого жеребца и со слезами просил далекого Аллаха пощадить и сохранить его сыновей, внуков и правнуков.

Глава третья

Монгольский караул

Курчавый арапчонок Саид, висевший на перекладине передней мачты, с визгом соскользнул вниз и опрометью пронесся по палубе.

– Ислам-ага! Перед нами прикатившийся на колесах город и золотой дом!

– Ты, видно, расшиб о камень свою пустую голову! Ты во сне увидел город! Где он? Где он?

– Мальчишка прав! – вмешался молодой матрос, стоящий у руля. – Перед нами новый татарский город, подвижный страшный город, катящийся на колесах по степи.

– Я его не вижу! – Корабельщик протер глаза широким рукавом синей рубахи. – Все вы бредите, как пьяные, попав в этот болотный туман.

– Посмотри туда, ага! – твердил арапчонок и подпрыгивал на месте. – Видишь, там, где холмы, стоит светящийся дом.

– Вижу. Это горят костры.

– Это совсем не костры! Это дом, сделанный из чистого золота. Он переливается в лучах солнца, как огонь.

– Да что ты врешь, лягушонок! Как может здесь, среди дикой степи, вырасти дом из золота?

– Это западня разбойников пустыни, – возражал матрос. – Они подстерегают паломников, едущих в святую Мекку. Здесь они их ограбят, а тела выбросят в реку.

Полуголые, прикованные к скамьям рабы, забыв о веслах, цеплялись за борт, жадно всматриваясь в даль, где золотистая постройка продолжала светиться огнями.

– Дом из чистого золота! – хриплыми, грубыми голосами кричали гребцы и рвались с цепей. – Если отломать кусок, то каждый из нас купит себе свободу. Пойдем ломать этот золотой дом, подаренный нам Аллахом!

– Это город! Я сказал правду! Это город! – продолжал радоваться и прыгать арапчонок. – Ислам-ага! Ты обещал серебряный дирхем тому, кто первый увидит стены татарского города! Я его увидел, давай мне скорей дирхем!

– По местам, за весла! – заревел корабельщик.

Надсмотрщик хлестал длинной плетью по голым спинам гребцов. Рыча и вопя от боли, они быстро уселись по скамьям и вцепились в весла.

– Может быть, это мазар[11 - Мазар – мавзолей над могилой святого.], – сердился корабельщик. – Это всего только одна постройка, возведенная каким-нибудь степным ханом над могилой своего предка… Это мазар, могила! Но это еще не город! Где же мечети? Где медресе? Где, наконец, бани и лавки купцов? Где дома жителей? Какой же это город? Не видать тебе, поросенок, серебряного дирхема!

– Да, это татарский город на колесах! – уверенно сказал рулевой. – Здесь новая столица страшного, непобедимого племени, пришедшего с востока на ужас всем народам. Они живут в шатрах на колесах, и их город то кочует здесь, то уходит в степь, где ищет лучших пастбищ для скота. А в этом золотом доме живет их главный каган, у которого голова величиной с большой котел. Одним взглядом раскосых глаз он останавливает и опрокидывает каждого, кто осмелится подойти к нему близко…

– Налегайте сильнее на весла! Вперед! – сердился корабельщик. – Надсмотрщик, бей их, ленивых скотов!

Гребцы, с блестящими потными плечами, старались изо всех сил. Двухмачтовый красавец корабль с крутыми бортами медленно продвигался вперед, против сильного течения многоводной реки. Матросы по обе стороны корабля длинными тонкими шестами измеряли глубину.

– Мель! Корабль царапает дно!..

– Бросай якоря! – крикнул корабельщик.

Два якоря плеснули по воде, канаты натянулись, и вода закипела у бортов. Течение реки проносило холодные валы и на них вертевшиеся соломинки и зеленые ветки.

Берег, заросший высоким камышом, был недалеко.

На равнине показались всадники в долгополых шубах и остроконечных меховых колпаках. Они повернули к реке, въехали в воду и остановились на отмели, потрясая короткими копьями, выкрикивая непонятные слова. Глубокие промоины мешали им приблизиться к кораблю. Темные безбородые лица, и молодые и старые, обожжены ветром и зноем. Коротконогие кони с толстыми шеями и длинными гривами храпели и фыркали, обнюхивая быстро проносившуюся воду.

Из толпы всадников выделился старик в желтом полосатом халате. Голову покрывал парчовый колпак с широкой лисьей опушкой. Старик въехал в воду и кричал то по-персидски, то по-арабски, то по-кыпчакски[12 - По-кыпчакски – по-половецки.]:

– Кто вы? Откуда прибыли? Чей это парусник? Что пригнало вас сюда? Что везете? Отвечайте! Я терджуман – переводчик – великого Завоевателя Вселенной.

Рулевой, повидавший разные страны, отвечал по-кыпчакски:

– Это корабль почтенного купца Ислам-аги из «Железных ворот»[13 - »Железные ворота» – город Дербент на западном берегу Каспийского моря. Название произошло оттого, что Дербент в качестве крепости запирал сухопутную дорогу в Иран.]. Он везет чрезвычайного, важного посла его святейшества халифа багдадского. А вы кто такие?.. Далеко ли отсюда подножие трона великого Покорителя Вселенной? Владелец корабля хочет поцеловать перед ним пыль ковра и поднести ценные дары.

Старый переводчик, погрузившись в воду до стремян, сердито кричал:

– Спускайте лодку! Переезжайте на берег! Покажите фирман с разрешением въезда на землю монгольского царства.

Другие всадники подхватили:

– Покажите, что вы привезли для воинов джихангира?[14 - Джихангир – покоритель мира.]

Корабельщик Ислам-ага дрожащими губами вполголоса давал матросам спешные приказания:

– Прячьте в трюм все, что можно! Закрывайте люки!

Из густых береговых камышей выползла узкая смоленая лодка. В ней сидели вооруженные татарские воины. Они уцепились за борта корабля копьями с крючками и, закинув веревочные лестницы, взобрались на палубу. Татары быстро разбежались по всему кораблю и стали переворачивать мешки, вспарывали их кривыми ножами, волокли в одну кучу шубы и прочую одежду и тюки с финиками и сушеным виноградом.

Разбуженные шумом, из трюма поднялись на палубу несколько путников. Жмурясь от ярких лучей солнца, они со страхом наблюдали за перебегающими по кораблю неведомыми странными воинами.

Молодой арабский посол стоял близ мачты, положив ладонь на рукоять кинжала, засунутого за матерчатый широкий пояс. Он имел гордый и бесстрашный вид. Позади него стоял рыжебородый писарь, держа в руках ковровый мешок и

большую священную книгу.

Два татарских воина, подойдя бесшумно сзади, попытались стащить с арабского посла кафтан. Он, легко отбросив воинов и выхватив кинжал, стал отбиваться.

На корабль взобрался по веревочной лестнице благообразный старый терджуман. Величественным жестом он приветствовал корабельщика и уверенным голосом человека, знающего, что все им сказанное непогрешимо, громко воскликнул:

– Кто хочет обидеть знатного путника, посла к великому джихангиру? Храбрые, благородные воины, оставьте в покое иноземца! Кто он? Пусть скажет свое имя.

– В этой свалке наносится оскорбление послу багдадского халифа! – закричал, вытаращив глаза, корабельщик. – Эти разбойники его грабят.

– Это не разбойники! – внушительно заявил терджуман. – Это непобедимые багатуры великого татарского владыки Бату-хана.

Возле терджумана появился молодой воин в стальной кольчуге и шлеме с серебряной стрелой, спущенной на лицо. Он властно крикнул:

– Внимание и повиновение!

– Внимание и повиновение! – хором воскликнули монгольские воины, сразу прекратили беготню, и каждый неподвижно выпрямился на том месте, где находился. Все повернулись лицом к молодому воину.

– Слушайте мой приказ, соколы храбрые и непобедимые! Подождите! – Молодой воин обратился к корабельщику, который, опустив голову и подняв плечи, подтягивал сползавшие шаровары и поводил злыми глазами.

– Кто этот безрассудный человек, осмелившийся драться с воинами великого хана?

У корабельщика раскрылся рот, и он, заикаясь, отвечал:

– Это посол багдадского халифа.

Молодой араб, ругаясь, оправлял разодранный кафтан, свирепо косился на стоящих близ него монголов. Их начальник продолжал:

– Вы знаете, багатуры, что послы правителей других стран святы и неприкосновенны. Их нельзя трогать и сдирать с них одежду. Поблагодарите чрезвычайного посла халифа багдадского и хозяина этого корабля за полученные вами подарки.

– Благодарим за подарки! – воскликнули монголы.

– Первый десяток останется здесь на корабле. Остальные перевезут на берег все подарки и доставят в лагерь Бату-хана.

В это мгновенье из каюты корабельщика вывалился старый косоглазый монгол, держа в руке ковровый узорчатый мешок, вырывая его из рук маленькой бледной женщины. На ее ногах звенела серебряная цепочка. Увидя, что все другие воины стоят вытянувшись, монгол выпустил мешок и тоже выпрямился.

– Арабский посол, корабельщик и все едущие на этом корабле путники! – продолжал воин в кольчуге. – Вы, конечно, нисколько не жалуетесь на моих воинов? Они вас ничем не обидели?

– Как не жаловаться! – воскликнул корабельщик. – Ведь они ограбили все, что увидели на палубе…

– Постой! – прервал его монгол. – Помни, что храбрые непобедимые воины великого татарского владыки никогда не грабят, а только как завоеватели Вселенной берут свою законную добычу. Но так как ты оскорбил моих воинов, назвав их грабителями, то сейчас же будет суд. Здесь, на этом месте, судить буду я… А за ложное обвинение ты будешь наказан по великому закону Ясы[15 - Яса – свод законов.]… Наказание одно и немедленное: удар палицей по темени. Может быть заменено только повешением на мачте.

– Никто не обвиняет! Аллах свидетель, – да будет его имя прославлено! – дрожащим голосом оправдывался корабельщик, облизывая пересохшие губы. –

Мы все рады, если наши скромные подарки нравятся славным воинам величайшего и справедливейшего татарского владыки.

Молодой человек спокойно смотрел на корабельщика, подождал немного и сказал:

– Я суд отменяю. Всему, что я скажу, без возражения подчиняйтесь! Все путники корабля, и корабельщик, и матросы – станьте в ряд… Кроме посла. Ты встанешь с другой стороны. Хони и Мункэ, тщательно осмотрите путников.

Старый монгол с морщинистым зверским лицом и узкими, как щелки, глазами подошел к крайнему из выстроившихся в ряд путников. Он спокойно стал отбирать полосатый матерчатый пояс, кошелек, запрятанный в поясе, с указательного пальца стащил золотое кольцо с бирюзой, кожаные ярко-желтые туфли…

Все с опаской глядели на палицу с железными шипами, висевшую на ремне, перекинутом через плечо монгола. Второй монгол, разостлав на полу длинную овчинную шубу, складывал на нее отобранные вещи.

Старый терджуман спрашивал у каждого одно и то же:

– Кто ты? Откуда едешь? Куда? Зачем? И надолго ли?

– Я купец. Родом из великого Хорезма, из города Ургенча, – говорил полуседой богато одетый путник, в полосатом шелковом халате, розовых шароварах и голубой чалме. – Я везу шелка, драгоценные камни и гашиш, дающий блаженство всем к нему прибегающим. Что, по закону мудрой Ясы Чингиз-хана, – да будет его прах благовонен! – я должен сделать с моими товарами?

– Ты можешь свободно здесь все распродать, предварительно выделив одну пятую твоих товаров нашему справедливому джихангиру, а другую пятую часть отложив для великого кагана всех монголов. Эта часть будет отправлена в его столицу Каракорум.

Второй путник, крайне бедно одетый, в широком выцветшем плаще и в остроконечном колпаке дервиша, нараспев стал объяснять:

– Я скиталец по плоскому подносу Вселенной. Меня зовут: Шейх Муслих ад-Дин. Я пишу сладостные стихи. У меня нет ни дома, ни сада, чтобы я мог платить подати. Все мое имущество со мною. Все мои богатства я черпаю из этой бронзовой чернильницы.

Монгол с палицей, обшарив дервиша, нашел у него за пазухой кошелек с несколькими серебряными монетами, оторвал подвешенную на поясе бронзовую чернильницу и, откупорив ее, выпачкал себе пальцы чернилами.

Дервиш воскликнул, подняв руки к небу:

– Если моя чернильница будет у меня отобрана, то мне придется отдать и мою печень на растерзание воронам!

Монгол с палицей ответил сердито:

– Твоя бронзовая сокровищница понадобится нашим писарям.

Второй монгол содрал с дервиша просторный побуревший плащ, разостлал на палубе и на него стал сбрасывать отбираемые вещи.

Шейх Муслих ад-Дин опустился на колени, закрыл лицо руками и бормотал непонятные слова, раскачиваясь и завывая. Молодой монгольский начальник подошел к нему и коснулся рукой.

– Ты кто: нищий, или шаман, или звездочет? О чем ты плачешь?

– Я не нищий. Я был богаче самых могущественных владык, а теперь стал беднее и птицы и зверя. С моим плащом я бродил по Вселенной тридцать лет. У зверя есть мохнатая шкура, у птицы есть перья, а у меня – этот плащ. Он и моя постель и моя скатерть, на которой я раскладываю хлеб и сыр, а ночью я лежу на этом плаще и им же укрываюсь. Разбей мне голову палицей, но я все-таки скажу: не может великая мудрая Яса Чингиз-хана приказывать, чтобы у нищего певца, воспевающего подвиги великих правителей народов, отбирались его единственная чернильница и единственный старый плащ!

Монгол с палицей тем временем связал концы плаща и поднял узел. Сквозь прорехи посыпались деньги, кольца и другие мелкие отобранные у путников вещи.

Монгольский начальник сказал:

– Ты пойдешь со мной к нашему справедливому хану. Он сам решит, что делать с тобою. Хони, отдай ему обратно дырявый плащ и бронзовую чернильницу. А ты кто такой? – Монгол указал рукой на тощего человека с рыжей растрепанной бородой, одетого в белый с черными полосами шерстяной чекмень арабского покроя.

– Это мой писарь Дуда Праведный. Он же очень искусный лекарь, мудрый звездочет и предсказатель, – объяснил арабский посол.

– Лекарь?! – воскликнул монгольский начальник. – Мне очень нужен знающий искусный лекарь. Что хранится в твоем кожаном мешке?

– Тут мои лекарства, чтобы спасать от болезни и смерти истинно верующих. А эта старая книга – «Благородный свиток»[16 - »Благородный свиток» – у мусульман обычное наименование Корана.] великого пророка, молитва над ним и привет!

Монголы нагрузили лодку отобранными вещами. Лодка отъезжала несколько раз и перевозила захваченные грузы. Вместе с монголами уплыли женщина с серебряной цепочкой на ногах, дервиш и арапчонок.

На корабле остались дозорными десять монголов. Они сели тесным кружком на корме и затянули заунывную песню.

Корабельщик Ислам-ага стоял у борта. Слезы текли по его щекам. Он вытирал их кулаком и бормотал:

– Ушла от меня колючая заноза, ядовитая сколопендра!

Арабский посол сочувственно положил руку на плечо:

– Нашел о чем горевать! На каждом базаре теперь рабынь сколько хочешь. Найдешь другую пленницу, получше.

– Но не такую, как эта, самого высокого царского рода Комнинов[17 - Комнины – династия византийских императоров (1057—1185); в 1204—1462 годах занимали престол Трапезундской империи.]. Такой я больше никогда не найду. Я за нее не пожалел бы дать сто золотых и мешок сушеных персиков. Зачем ее у меня отобрали?!

– Да что ты в ней нашел? Маленькая, бледная, сухая, как горошина. Всегда с тобой ссорилась, царапалась и грозила убить…

– Верно! – сказал корабельщик и, нагнувшись к послу, шепнул ему на ухо: – Но она умела пробуждать глубокую страсть.

– Аллах велик! – воскликнул посол. – Это редкое достоинство!

Глава четвертая

Абд Ар-Рахман у гадалки

Абд ар-Рахман выпрыгнул из лодки на берег – на тот берег таинственной земли степных народов, куда он так давно стремился, совершив длинный трудный путь от Багдада, через Курдские горы, путь, полный ужасов и опасностей.

Теперь, в темноте, он чувствует под ногами твердую землю. Ноги спотыкаются о кочки с кустами жесткой, режущей травы, но он ее ощущает как нового друга.

– Хасан! Где Хасан? – крикнул он в темноту, призывая матроса, обещавшего отнести его вещи до караван-сарая.

– Хасан здесь! – ответил из мрака голос матроса. – Постой, ага. Я должен еще вытащить из лодки вещи и держать их в руках, чтобы здешние злодеи не растащили их в темноте. Я нашел одного бездельника, который согласился

помочь мне нести тяжелый тюк, но я должен на шею ему набросить петлю, чтобы он не сбежал.

Абд ар-Рахман стоял, выжидая. Глаза привыкли к темноте. Две фигуры приближались: матрос и «бездельник», навьюченные дорожными переметными сумами, в которых хранятся драгоценные подарки халифа. Корабельщик обещал дать надежного провожатого, который укажет дорогу к арабским купцам. В темноте, в толпе бегающих и кричавших, все перепуталось.

Куда идти? Холодный ветер сурово дул в лицо, засыпал легкой пылью. Впереди, где-то далеко, мигали огоньки. Черные тени проходили мимо. Нужно быть осторожным – всюду дикие люди, готовые убить и ограбить. Как жутко и неудобно идти одному, без верного Адсума – Дуды, уведенного монгольской стражей… И Абд ар-Рахмана охватило уныние.

Не переждать ли на берегу, возле молчаливой реки, пока начнет светать, – и тогда приступить к розыскам гостеприимных земляков, арабских купцов?.. Они дадут приют, безопасный шатер, расторопных слуг и развернут на коврах расшитую цветными шелками скатерть с великолепными разнообразными яствами в честь его, посланника священного халифа.

Маленькая, точно детская, рука коснулась мускулистой, крепкой руки Абд ар-Рахмана, и нежный, певучий голос вкрадчиво прозвучал на неведомом языке. Потом тот же голос сказал по-арабски:

– Достойный путник! Если ты ищешь теплого крова в эту холодную ночь, иди за мной. Тебе, неведомому гостю, опасно проходить ночью через это становище суровых воинов различных племен. А совсем близко тебя ждет радостный приют. Там тебе уже приготовлены дружеская встреча, чистый мягкий ковер, шелковые подушки, горячий ужин и желанный после дороги отдых. Доверься мне!

Матрос проворчал:

– Кто ты? Мы тебя не знаем, дочь мрака и греха!

– Послушайся меня, путник! Я хочу тебе блага: не оставайся на берегу! А переночевать тебе будет стоить совсем недорого – три серебряных дирхема.

– Хасан, пойдем за нею! Все равно надо же куда-нибудь идти! Я решил довериться случаю.

– Я повинуюсь, ага! Да сохранит тебя Аллах от девяноста девяти несчастий!

Маленькая рука настойчиво увлекала Абд ар-Рахмана вперед, в неизвестное.

– Я иду за тобой! Я дам тебе пять серебряных дирхемов в награду, если все окажется правдой. Ты приведешь за собой твое счастье.

– А ты в придачу еще получишь блаженство… – ответил бархатный вкрадчивый голос.

Они шли через бугры, между кустами. Красные огоньки то пропадали, то светились снова. Приходилось подниматься по склону холма. Дорога казалась длинной, бесконечной.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ал-Мансур – в средневековых европейских сказаниях это имя начальника гвардии рабов в Кордовском халифате переиначено в Альмансор.

2

Урганджи – то есть родом из Ургенча.

3

Сулейман – библейский царь Соломон, позднее герой многих мусульманских легенд.

4

Диджлэ – так тогда назывался Тигр.

5

Итиль – Волга.

6

Абескунское море – Каспийское.

7

Хаджи-Тархан – название Астрахани. Здесь раньше находилась богатая столица Хазарского царства, разгромленная князем Святославом Киевским.

8

Ифрит – могущественный злой демон мусульманской мифологии.

9

Большой камень – Южный Урал.

10

Кавуши – грубые мужские кожаные туфли.

11

Мазар – мавзолей над могилой святого.

12

По-кыпчакски – по-половецки.

13

»Железные ворота» – город Дербент на западном берегу Каспийского моря. Название произошло оттого, что Дербент в качестве крепости запирал сухопутную дорогу в Иран.

14

Джихангир – покоритель мира.

15

Яса – свод законов.

16

»Благородный свиток» – у мусульман обычное наименование Корана.

17

Комнины – династия византийских императоров (1057—1185); в 1204—1462 годах занимали престол Трапезундской империи.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vasiliy-yan/k-poslednemu-moryu-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить